

С налётом независимости

Где берут средства производства белгородские машиностроители

ИМПОРТОЗАМЕЩЕНИЕ Первый указ Владимира Путина в должности новоизбранного президента: к 2024 году добиться, чтобы Россия была в пятерке крупнейших экономик мира. Правительству предстоит придумать, как это сделать, если тех, кто производит средства производства, в стране почти не осталось. В стратегии развития стан-

коинструментальной промышленности Минпромторг называет уровень импортозависимости критическим: 90%. Доля отечественного станкостроения в ВВП почти незаметна – 0,02%. В рейтинге производителей станков (открытые данные за 2015 год) Россия на двадцатом месте, на первом Китай, где станкостроение даёт 0,2% ВВП.

Коммерческий директор завода «Русский инструмент» Пётр Лебедев: «Основной критерий не возраст оборудования, а его работоспособность»

РАМКАХ ИМПОРТОЗАМЕЩЕНИЯ

Высшая школа экономики на основе опроса 23,5 тыс. руководителей предприятий приводит данные, что почти на половине предприятий станкам от 10 до 30 и более лет. Технологическая отсталость на фоне общей экономической ситуации к октябрю 2017 года дала нулевой прирост промышленного производства. По итогам 2018 года Минэкономики ждёт 1,7% прироста вместо ранее озвученных 2,5%. Говорить об успехе импортозамещения в такой ситуации можно только возродив станкостроение и обновив оборудование заводов. На это по самым скромным подсчётам экономистов нужно 38 триллионов рублей.

По данным департамента экономического развития, основные фонды белгородских предприятий изношены на 44%. Но их обновление – процесс безостановочный, собственно, в этом весь смысл инвестирования в основной капитал. Белгородские производители идут по пути постепенного перевооружения наиболее

перспективных импортозамещающих направлений. На начало 2017 года коэффициент обновления основных фондов на 8% превысил коэффициент ликвидации. Это означает, что производители больше ввели станков и оборудования, чем списали. В три раза вырос коэффициент обновления в добывающей отрасли, причём больше 60% ввода новых основных фондов составляли машины и оборудование.

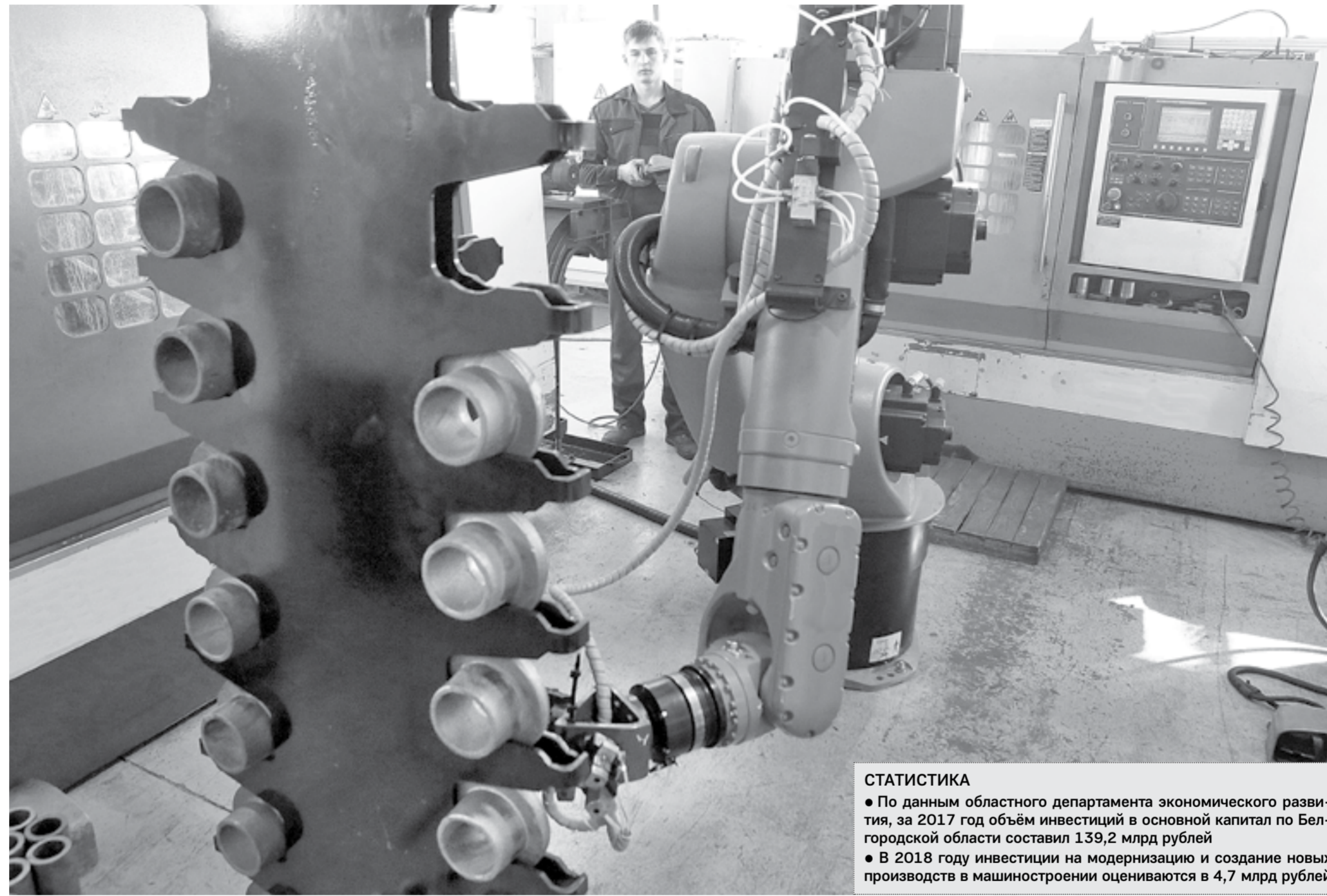
Такое соотношение этих величин свидетельствует о расширении производства путём нового строительства и оснащения технологически новыми средствами труда действующих предприятий. В целом же инвестиции в основной капитал белгородских предприятий за последние 20 лет выросли больше, чем вчетверо (в сопоставимых ценах). Основные вложения пришлись на сельское хозяйство, добывающую отрасль и обрабатывающую промышленность, а также строительную сферу.

«ПЫТАЕМСЯ ВЫЖИВАТЬ»

Белгородский машиностроительный завод работает с 1992 года на базе «Абсолюмента» – части некогда огромного асбестоцементного комбината, история которого идёт с 1953 года. Раньше выпускали оборудование для шиферных заводов. Спрос на шифер упал, и предприятие переориентировалось на металлоконструкции, нестандартное оборудование, ёмкости из металла, сельхозтехнику.

Двухэтажное здание завода выдало виды. Коридоры покрашены синей краской, старый линолеум. Самый новый станок в цеху 1986 года, сделан на Рязанском станкостроительном. Уникальный токарный станок весом около 50 тонн выпущен Краматорским станкостроительным в 1962 году. Он ещё в строю, хотя используется редко.

– Выглядят не очень презентабельно, но работают отлично, – говорит о станках директор завода Сергей

На «Промзапчасти» уже внедрили в производство восемь роботов

Исмаилов. – Основные фонды сильно изношены. Срок эксплуатации станка 5–10 лет. Чугунной станине ничего не будет, а движущие механизмы со временем теряют точность, их надо менять. Но общее станкостроение загублено, и реабилитировать его уже нельзя. Поймите, чтобы собрать станок сегодня, нужно было пять лет назад отлить чугунную раму, чтобы прошёл период старения металла, – такова технология. Оставшиеся сейчас станкостроительные заводы лишь собирают станки из импортных деталей, либо скупают оставшиеся советские и приводят их в порядок.

Когда в 1990-е заводы банкротили и распродали, станки и оборудование массово вывозили в Китай. Сейчас китайцы продают нам то, что, возможно, сделано на тех наших советских станках, и вся добавленная стоимость оседает там. У нас не осталось ни технологий, ни людей. Казалось бы, чем дороже валюта, тем более защищён внутренний рынок, но импортные комплектующие и российское сырьё привязаны к валютному курсу. Себеизготовитель местной продукции высокая, и мы опять топчемся на месте.

– Пытаемся выживать, – жёстко характеризует всю отрасль Сергей Исмаилов. – Говорить об импортозамещении и экономическом рынке пока не приходится. Хотя тенденция есть. Раньше наш опрыскиватель для обработки садов на 70% состоял из импортных деталей, сейчас в нём только итальянские насосы и нержавейка и метизы китайские. Вкладываться в модернизацию завода в условиях нестабильного рынка рискованно. Инвестора нет, а кредиты даже обсуждать не стоит. Если мы возьмём кредит на нынешних условиях, через год будем принадлежать банку.

«ДЕЛО РИСКОВАННОЕ, НО БЛАГОРОДНОЕ»

«Русский инструмент» – завод, выпускающий больше 10 тыс. наименований инструмента для металлообработки. Начали как семейный бизнес в 1999 году с перепродажи инструментов. Три года назад открыли небольшой цех, а в прошлом году вложили 135 млн рублей в новый завод. Сейчас с него ежедневно уходит до 50 отгрузок в разные города России.

Завод разместили в промышленном парке «Северный», поскольку здесь налажена инфраструктура, есть льготы на электроэнергию. Запустили производство в 2018 году и надеются, как новые резиденты, получить пятилетние каникулы по налогу на имущество. На 4 тыс. квадратных метров – современный офис, конструкторский отдел, столовая, выставочный зал, склад и производственный цех. Начинили с пары базовых отечественных станков. Сейчас в новом цехе примерно 20 станков: российские, чехословацкие и ГДР советских времён, всем не больше 25 лет.

– Основной критерий не возраст, а работоспособность, – говорит коммерческий директор Пётр Лебедев. – Рынок бывшего в употреблении оборудования очень живой, ведь оно значительно дешевле. Например, новый шлифовальный станок стоит около 3 млн рублей, а бэушный в хорошем состоянии – 600 тыс. рублей. Фрезерные, токарные, шлифовальные продают перекупщики и сами заводы. Кто-то банкротится, кто-то модернизируется, это постоянный процесс.

Есть три новых американских станка с числовым программным управлением. В России такие тоже собирают, но из импортных комплектующих. – Полностью Россия пока не готова делать такие станки, много факторов, – продолжает Лебедев.

– Это нормальная ситуация или нужно замыкать всё внутри страны?

– Так весь мир живёт. С чего-то надо начинать развитие. Сначала сборка, потом постепенно какие-то узлы завод начнёт делать сам.

По его наблюдениям, из всех инструментов для металлообработки на российском рынке своих не больше 5–7%, китайские – 70%. Однако в 2009–2010 годах ситуация была наоборот хуже. А сейчас рынок прогрессирует за счёт развития оборонной промышленности, энергетики, газовой отрасли. Поэтому строят ещё одно помещение, расширится и парк оборудования. Станок вакуумной термообработ-

СТАТИСТИКА

- По данным областного департамента экономического развития, за 2017 год объём инвестиций в основной капитал по Белгородской области составил 139,2 млрд рублей
- В 2018 году инвестиции на модернизацию и создание новых производств в машиностроении оцениваются в 4,7 млрд рублей

ки искали по всему миру, а остановились на белгородском производителе.

– НЕ СТРАШНО ВКЛАДЫВАТЬСЯ? – Мы знаем рынок. Попробовали на малом – получилось. Да, дело рискованное, но благородное, я оптимист, – улыбается Пётр Лебедев.

«ВНУТРЕННЕЕ СТАНКостроение»

«Промзапчасть» начинали 10 лет назад с продажи сельхозтехники, в 2008 году открыли первый цех и набрали 15 сотрудников. Сейчас в коллективе 230 человек и 8 роботов. Селяки и бороны продаются в России и Европе. Средняя выработка на человека 200–250 тыс. рублей в год (средняя по России – 80 тыс. рублей).

Предприятие в Шебекино просто удивительно, здесь мыслят по-другому, и это видно по офису, производству, тем идеям, которыми делится заместитель директора Андрей Солодилов. В цеху всё шумит, летят дождевые искры от «болгарки», готовы к отгрузке изделия на складе, рядом трубы из толстого металла, из которых их сваривают. Два года ушло на переоборудование с заводом, чтобы их делали только для шебекинцев. Работы КУКА молчат, опустив железные клешни. На сегодня свою работу сделали. Их сосед – советский рычаговый токарный станок. Его купили нерабочим за 500 тыс.

рублей, отмыли, отшлифовали, поставили новые двигатели, интегрировали блок ЧПУ за 3 млн рублей, сами написали программы. Теперь ему цена 50 млн рублей.

– Страна однозначно нуждается в экономическом рывке, но чтобы он произошёл, нужно полностью перестроить сознание, – говорит Андрей Солодилов. – Мы не успеваем за рынком, а понимания этого пока нет. Наши западные конкуренты имеют огромную капитализацию и опыт, они поднатерели в цифровых технологиях. Где-то мы можем обогнать конкурентов по фундаментальной науке, смекалкой ускорить техпроцесс, но мы в десять раз медленнее их. Нужна принципиально новая система управления – индустрия 4.0. Она позволяет завтра выпускать то, что сегодня утром только в чертежах. Все передовые компании мира работают на ней.

При скромных размерах «Промзапчасть» – конкурент немецкого гиганта «Амазон», чьи изделия выпускает их «дочка» в Самаре, получая от государства субсидии, но основа – база знаний и технологий, нарабатанная в Германии с 1883 года.

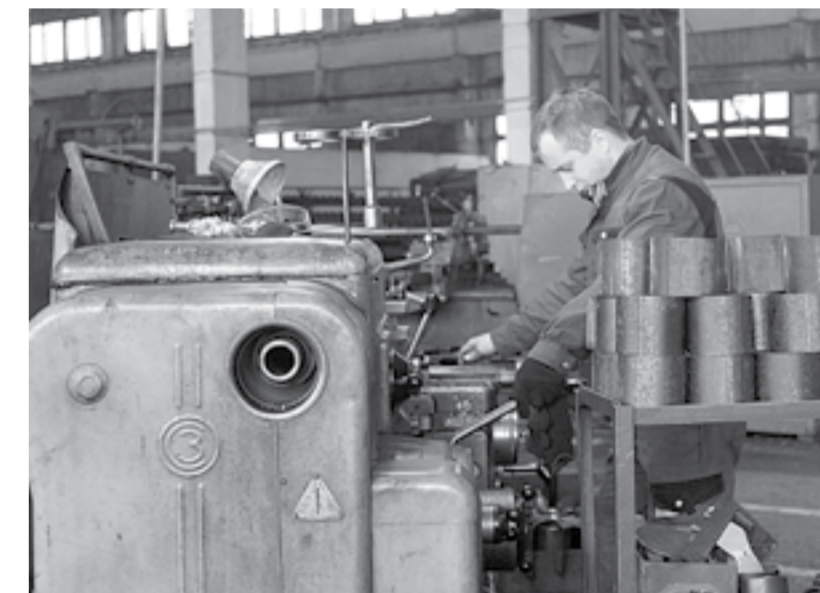
– Это можно считать импортозамещением?

– Хороший вопрос, – смеётся директор шебекинской компании. – Ждать ли нам иностранных конкурентов или развивать своё производство? Мировой экономикой управляет тот, кто

Три таких американских станка с числовым программным управлением работают на заводе «Русский инструмент»

Нужна принципиально новая система управления – индустрия 4.0. Она позволяет завтра выпускать то, что сегодня утром только в чертежах

На Белгородском машиностроительном заводе самый «молодой» станок выпущен в 1986 году

производит средства производства и делает это быстро. Мы продаём своё изделие за 3 млн рублей, иностранное такое же стоит 5 млн. Хорошо? Да. Но наше должно стоить 2 млн. Эта пропасть непреодолима без роботизации, цифрового управления и единой технологической платформы на предприятии. В Белгородской области я таких предприятий не знаю.

Семь лет назад в Шебекино поставили первого робота-сварщика. Народ переживал, что начнутся увольнения. Сейчас здесь 8 роботов, а штат только вырос. Для сравнения: 100 человек делали выручку в 50 млн рублей, сейчас 200 делают 500 млн рублей. – Говорят: «вскочить на подножке поезда». Мы вскочили, думали, ага, сейчас по поезду пойдём, да не тут-то было, 10 лет на ней висим, – продолжает Андрей Солодилов. – Только осознали, каким должно быть производство.

Каждый робот обошёлся в 2–3 млн рублей. Это только железо, «начинку» сочинили сами. Всё банально: установок стоит около 1 млн рублей, а лишние деньги нет. Поэтому всё сами: нашли электронику, переделали, подсоединили к «железной руке», где-то даже интегрировали старые советские станки. Теперь робот сваривает и переворачивает рамы так, как этого требует производственный процесс. Такое вот «внутреннее локальное станкостроение».

Теперь сами разрабатывают российский аналог индустрии 4.0. В Рос-

сии своего такого программного продукта нет, а в Европе ценник на него от 2 млн евро. Взяли три российских компонента и сами их объединили.

Рассуждая о том, как развиваться, Андрей Солодилов считает, что выгоднее полностью собирать самим, т. е. идти путём агрохолдингов: они производят всё у себя – делают от кормов до колбас, оставляя себе всю добавленную стоимость. У «Промзапчасть» доля иностранных комплектующих 22–25%. Что-то, например, резину, сами не будут делать никогда, потому что очень сложное производство, а что-то вполне могли бы, но нужны вложения и время, а их катастрофически не хватает.

– Мы думали построить литейный и кузнечный цеха, но даже если нам просто так дадут 300 млн рублей, цех появится только через три года: год стройка, год закупка оборудования, год отладка, – продолжает Андрей Солодилов. – Мы построили новый цех за 8 месяцев, это очень быстро, потому что все – от Минпромторга до шебекинской администрации – очень помогают, и сроки по всем процедурам очень короткие. Мы чувствуем эту поддержку: Минпромторг через РЭЦ оплатил нам 80% расходов за выставку в Ганновере. Это действительно работает, но эти шаги нужно было делать ещё 20 лет назад. Сейчас мы опять отстаём. БП